

© 2009 г. А.С. Заболотная

ТЕОРИЯ ОФИЦИАЛЬНОЙ НАРОДНОСТИ КАК ИДЕЙНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЕ ОБОСНОВАНИЕ САМОДЕРЖАВИЯ В РОССИИ

Исследуется философско-концептуальный аспект теории официальной народности С.С. Уварова. Рассматривается и раскрывается характер официальной идеологии времен правления Николая I как попытки определения философско-правового обоснования российского самодержавия. Анализируется теоретическое понимание С.С. Уваровым идеала русского государства, его самобытных институтов. Исследуемая концепция стала идеологической предпосылкой политико-правовых и социальных изменений в России XIX в.

Ключевые слова: теория официальной народности, самодержавие, православие, народность, традиции, государственная идеология, просвещение.

Современное российское общество вступило в полосу стремительных преобразований. Наличие разнообразных философских учений, идеологических концепций, дающих объяснение необходимости реформаторской деятельности, ставят вопрос о выработке оптимальной концепции развития страны. В этих условиях возникает закономерный интерес к идеологическому наследию XIX в. Этот период в России характеризовался расцветом русской культуры, выработкой основных принципов и ценностей национального самосознания. Особый интерес вызывает официальная идеология самодержавной власти Николая I, получившей название «теория официальной народности», которая представляет собой компромисс между традициями и нововведениями, самобытными и универсальными ценностями. Внутреннюю политику Николая I нельзя обвинить в недостатке, и тем более, в отсутствии преобразовательных проектов. Отличительной чертой политической программы Империи являлась идея о возможности разрешения крупных государственных проблем путем частичных, «нечувствительных», эволюционных изменений в рамках старого режима. Император получил в правление «интеллигентную Россию», «Россию, колебавшуюся между хлыстовщиной и

конституцией» [1, с.531]. Николай I осознавал, что страну необходимо преобразовать в двух основаниях: во-первых, Россия нуждалась во «внешнем порядке», который бы соотносился с самодержавным строем, во-вторых, наполнить эту новую форму «новой внутренней жизнью», которая должна быть основана на тщательном изучении западной и отечественной культуры. В начале царствования Николай I явно склонялся к консерватизму, первые советы почерпнул у Н.М. Карамзина, который смог внушить молодому монарху мысли о красоте национальных традиций, о необходимости в России самодержавия, доказывал, что для народного блага руководить необходимо единовластно, твердой рукой. Царь вернул на службу Сперанского, на которого возложил обязанности по систематизации российских законов [2, с.104]. Николаю I в течение своего царствования удалось не только сохранить, но и укрепить многое из того, что в будущем должно было привести к возникновению либерального порядка в стране.

Исходя из поставленных задач, Николай I осознал потребность в системе взглядов, которая помогла бы царю разработать механизм поэтапного развития государства. Именно С.С. Уваров предложил монарху «контуры подобной системы» [3, с.75]. Национальная идея российской монархии нашла свою лапидарную формулировку в знаменитой уваровской триаде: «Православие, Самодержавие, Народность». Одним из источников идей С.С. Уварова было учение немецких неогуманистов. Он был воспитан в идеологии, возглавляемой Фр. А. Вольфом, видевшем путь к немецкой народности в возрождении традиций, которые «восходили к истокам европейской культуры». Вольф рассматривал постижение античной культуры «как путь к утверждению культуры национальной» [4]. С.С. Уваров был знаком с Гете и Шлегелем, состоял в целом ряде иностранных академий и ученых обществ. Обнаруживается некоторое сходство идей С.С. Уварова с государственными учениями историка Лудена, который был известен как поклонник гуманизма и свободы. У Лудена «Правитель государства должен стремиться, чтобы единая человеческая культура возникла в государстве. Правитель должен связать задачи государства со своеобразием народной культуры». Историк выступал против приказов и принуждений, подчеркивал важность уроков истории. «Культура народа в настоящем всегда есть результат жизни народа в прошлом». Указывает, что и «...государство есть условие каждой культуры» и оно «не может

быть равнодушно к научным стремлениям и должно направлять ход науки и на познание самой народности и на возбуждение любви к отечеству». С.С. Уваров принимает замечание Лудена относительно того, что «приказаниями и предписаниями здесь ничего достигнуть нельзя, свободному духу должно быть предоставлено свободное движение, но если исследование направляется на предметы которые могут быть опасны для религии, добрых нравов отечества и народности, тогда правительство обязано выступить против нарушения порядка и публичного благополучия. Государство обязано содействовать тем, кто действует в науке на слова и пользу отечества» [5, с. 243]. По долгу службы С.С. Уваров был связан со Штейном, одним из самых заметных западных реформаторов тех лет и испытывал на себе его влияние. В конце 1812 г. Штейн писал: «В это мгновение великих изменений мне совершенно безразличны все династии. Мое желание состоит в том, что бы Германия стала великой и сильной и вновь обрела свою самостоятельность, независимость и народность» [3, с.83]. В Вене С.С. Уваров был знаком с госпожой де Сталь, знаменитой своими просвещенными взглядами. На мировоззрение ученого сильнейшее влияние оказали теории государственного устройства М.М. Сперанского и Н.М. Карамзина. М.М. Сперанский был интересен С.С. Уварову как разработчик основных положений реформ по западным образцам, а Н.М. Карамзин – как защитник самодержавных институтов «в истинно русском» значении этого понимания, а негативное отношение к революции и желание преобразовать страну «сверху» с помощью частичного заимствования методов встречается у всех трех мыслителей.

В идеях эволюционного развития государства и первостепенности самодержавной власти С.С. Уваров опирался на учение Ф. Шлегеля «о народе и государстве как единой личности, развивающейся органическим путем». Шлегель рассматривает феодальную систему как один из возрастов этого развития, отмеченный поступательным ходом: «Наблюдение сих больших перемен – первый долг попечительного правительства. Желание продолжить один из сих возрастов далее времени, назначенного природою, столь же суточно и безрассудно, как желание заключить возмущающего юношу в тесные пределы младенческой колыбели. Теория правительства в сем случае походит на теория воспитания. Не то достойно похвалы, которому удалось увековечить младенчество физическое и моральное, то премудро, которое смягчи-

ло переходы от одного возраста к другому и, повинаясь закону необходимости, возрастало и зрело вместе с народом или с человеком» [3, с. 83]. Интерес С.С. Уварова к историческому наследию подчеркивает Г. Шпет, который утверждал, что правительство в лице С.С. Уварова особое внимание уделяло отечественной истории. Этот пункт являлся чуть ли не главным в его министерской программе [6, с. 98]. В истории, согласно С.С. Уварову, действует «великий закон предопределения». Примером предопределенности исторического процесса служит Французская революция. С.С. Уваров характеризует революцию как «бурную эпоху» бедствий, преступлений, несчастий и разрушений. Это, по его словам, время «бунта», «народной анархии». На смену революции приходит «стремление к миру», желание восстановить порядок. Это эпоха «умеренности в политике и внутренней устойчивости». Так же как и Н.М. Карамзин и М.М. Сперанский, С.С. Уваров все изменения согласовывал с «почвой», с существующей традицией, первоосновой, которой является абсолютная монархия. Интерес С.С. Уварова к истории, традициям объясняется принятием за базовую основу своей программы теории государственной власти М.М. Сперанского и Н.М. Карамзина, в которых традиционализму и историзму отводится одна из ведущих ролей. М.М. Сперанский высоко оценил исторический опыт каждого народа, так же как и Н.М. Карамзин, он видел в истории государства и его традициях движущую силу развития страны. Особое отношение Н.М. Карамзина к народным традициям объяснялось тем, что он видел в них чуть ли не главную созидательную силу человечества, определяющее условие развития государственности. Таким образом, в своих размышлениях С.С. Уваров подошел к идее контролируемой эволюции – пониманию исторических законов развития как естественных сил, действующих, под попечением мудрого правительства, подготавливающего посредством воспитания и просвещения свой народ к неизбежным переменам. Высший образец свободы С.С. Уваров видел в «сословном государстве со свободными землевладельцами внизу и национальными аристократами вверху – политической пирамидой, с сильными, но конституционным монархом, и той или иной формой народного представительства» [7, с. 125].

С.С. Уваров скомбинировал теорию, которая представляла царя «воплощением российской государственности и российской империи», но при этом была предпринята попытка «объединения национальных концептов и запад-

ной формы, которая позволила бы сохранить миф об императоре-европейце» [8, с. 233, 234]. В 1833 г. он возглавляет Министерство народного просвещения. Именно на посту министра С.С. Уваров решает приступить к реализации своей «национально-имперской утопии». К этому времени Россия уже обладала государственным единством, центр господствующей церкви находился внутри империи. Он начинает разрабатывать государственную идеологию, за распространение которой отвечает подведомственное ему учреждение. Ученый пишет императору Николаю I, что в сфере народного образования надлежит, прежде всего, возродить веру в монархические и народные начала, возродить ее без потрясений, без поспешности, без насилия [3, с. 76]. «Разум, испуганный при виде общих бедствий народов, при виде обломков прошедшего, падающих вокруг нас, и не прозревая будущего сквозь мрачную завесу событий, невольно предается унынию и колеблется в своих заключениях. Но если Отечеству нашему – как нам Русским и сомневаться в том нельзя – охраняемому Промыслом, даровавшим нам в лице великодушного, просвещенного, истинно Русского монарха, залог невредимой силы Государства, должно устоять против порывов бури ежеминутно нам грозящей, то образование настоящего и будущих поколений в соединенном духе Православия, Самодержавия и Народности составляет бесомненно одну из лучших надежд и главнейших потребностей времени» [9, с. 72]. Только тогда общественное образование, соединившее «выгоды нашего времени с преданиями прошедшего и с надеждами будущего» будет соответствовать «нашему порядку вещей» и будет не чуждо европейскому духу» [10, с. 4]. На посту министра народного просвещения С.С. Уваров поставил перед собой задачу, с одной стороны, облегчить переход России к зрелости, при этом оберегать юность страны, т.е. идти вперед, оставаясь при этом на месте и сохраняя существующее устройство страны, с другой стороны, с помощью образования проложить мирный путь остальным реформам, с четким реагированием на растущее ожидание общества, которое рассчитывало на освобождение крестьян, а также на известные политические и гражданские права [11, с. 106-107]. Во главе эволюционного движения России С.С. Уваров ставит самодержца. «Государство имеет свои эпохи возрождения, свое младенчество, свою дряхлость. Задачи мудрого государя – смягчить переход от одного возраста к другому, найти пути и методы наиболее безболезненного роста» [12, с. 27].

В своей теории официальной народности С.С. Уваров попытался осуществить замысел идеи построения национального государства и воспитания национального характера через образовательную систему государства, разработанный И.Г. Фихте в «Речах к немецкой нации». Этот документ был исторически связан с формированием национального сознания и единства немецкого народа в период его освободительной войны. Когда в Германию вторглись войска Наполеона, Фихте стал призывать широкие массы к решительной борьбе против чужеземных захватчиков. Фихте видит национальное возрождение своей страны в создании сильного централизованного государства, с проведением серьезных внутренних преобразований. Единственным источником преобразования страны И.Г. Фихте видел исключительно в государстве. «Пусть государство живо постигнет, что у него более не осталось решительно никакой другой сферы деятельности, в которой бы оно могло двигаться и что-то решать, как подобает действительному государству – изначально и самостоятельно – кроме только этой сферы – воспитания будущих поколений» [13, с. 204]. Эти идеи были особенно близки С.С. Уварову, который видел в самодержавной власти гаранта будущего страны, как и идеи о преемственности традиций.

Всю теорию С.С. Уварова пронизывает два аспекта – во-первых, «его необычайная почтительность к власти монарха и его мнение, что просвещенный монарх охотно сам введет законы и поделится своей властью, когда страна «созреет». Эти идеи С.С. Уварова были сформированы в российской традиции под влиянием взглядов Н.М. Карамзина и М.М. Сперанского. Вслед за Н.М. Карамзиным С.С. Уваров считал, что «Европу к зрелости должна привести традиционная монархия, на примере России» [11, с. 64]. А.Н. Пыпин подчеркивает связь теорий Н.М. Карамзина и С.С. Уварова. Начала, на которых основывалась теория С.С. Уварова, всем своим содержанием высказывали всю программу русской жизни, «они указывались в прошедшей истории и предлагались в будущем в таком же смысле как в «Истории» и «Записке» Н.М. Карамзина, который с самых первых веков видит такое же, только менее сложное государство, как в XIX столетии и открывает в нем те же отличительные начала. Нельзя же заметить сходства и в самом осуществлении правительственного идеала с той программой, какую предполагал Карамзин» [14, с. 110]. Представление министра «о том, каким путем мог просвещенный абсолютный монарх способствовать переходу к ограниченной

монархии, скорее всего, опиралось на план Сперанского» [11, с. 66]. «Время, обстоятельства, любовь к Отечеству, преданность Монарху, все должно нас уверить в том, что пора нам, особенно касательно народного воспитания, обратиться к духу Монархических учреждений и в них искать той силы, того единства, той прочности, коих мы слишком часто думали открыть в мечтательных призраках равно для нас чуждых и бесполезных, следуя коим нетрудно было бы, наконец, утратить все остатки Народности, не достигнувши мнимой цели европейского образования» [9, с. 72]. Центр концепции С.С. Уварова заключался в идеи примирения «древних и новых понятий» сверху. Ученый был сторонником идеи «самобытного культурного развития России. Он полагал, что центром желанного становления и возрождения европейской культуры должна стать Россия, а не Запад» [11, с. 28, 29].

В отношении самодержавия С.С. Уваров замечал, что оно «представляет главное условие политического существования России в настоящем ее виде. Пусть мечтатели обманывают себя самих и видят в туманных выражениях какой-то порядок вещей соответствующий их теориям... можно их уверить, что они не знают России, не знают ее положения, ее нужд, ее желаний. Можно сказать им, что от сего смешного пристрастия к Европейским формам мы вредим собственным учреждениям нашим; что страсть к нововведениям расстраивает естественные сношения всех членов Государства между собой и препятствует мирному, постепенному развитию его сил. Русский колосс упирается на самодержавие, как на краеугольном камне... Россия живе и охраняется спасительным духом Самодержавия, сильного, человеколюбивого, просвещенного, обращалось в неоспоримый факт» [9, с. 71]. «Эту истину чувствует большинство поданных... они чувствуют ее в полной мере, хотя и поставлены на разных ступенях гражданской жизни и различествуют в просвещении и в отношении к правительству» [10, с. 3]. Теория С.С. Уварова оказала сильное влияние на его современников, например, генерал Л.В. Дубельт управляющий делами III отделения в период правления Николая I, считал, что необходимо «любить выше всего свое отечество и быть самым верным поданным своего государя» [2, с. 150]. Л.В. Дубельт сравнивает Россию с арлекинским платьем, «которого лоскуты сшиты одною ниткою», «эта нитка есть самодержавие. Выдерни ее и платье распадется». Он превозносит русских «мудрых правителей». Лучшим из самодержцев он признает Николая I,

«Великий Николай Павлович, чудо-государь – какая конституция сравнится с его благодеяниями», «...не угаснет звезда императора Николая Павловича. ... Наше правление...самое отеческое, патриархальное» [2, с. 58].

Уваров правильно определил свою задачу «укрепить отечество на твердых основаниях, на коих зиждется благоденствие, сила и жизнь народов; найти начала, составляющие отличительный характер России и ей исключительно принадлежащий». «Вся сила России в самобытности. У нас нет причины быть недовольными, ибо с благодеяниями царя не может сравниться никакая конституция...Мир и спокойствие гарантирует именно самодержавие и те патриархальные нравы, которые господствуют в нравственной России» [2, с. 127]. Официальным органом, пропагандирующим государственную идеологию становится «Журнал министерства Народного просвещения». Согласно убеждениям С.С. Уварова ответственность за «поддержание идеологии лежит на правительстве как «единственно интеллектуальном руководителе страны» и системе народного образования [5, с. 243]. Как и М.М. Сперанский С.С. Уваров был уверен в необходимости гласного распространения государственной программы и обеспечения ее единообразия прежде чем приступить к ее реализации. С.С. Уваров сумел выразить настроение и идеи, которые были господствующими среди его современников, и в которых отражалось формирующееся самосознание российской государственности. Он искренне полагал, что фундаментом для зрелой власти становится образованное общество, т.к. только образование имеет реальные силы «вырастить всесторонне образованную элиту, подготовить новое поколение знающих свое дело чиновников» [11, с. 103]. В результате будет подготовлена почва для всех остальных реформ. С.С. Уваров признавал, что излишняя образованность стала причиной «распространения разрушительных понятий», что привело к «общественной бури», «потрясшей Европу». Россия избежала этого, т.к. ее «порядок» «опирался на неведомые Европе самобытные начала: православие, самодержавие, народность» [10, с. 2].

В своем докладе императору С.С. Уваров пишет: «Народное воспитание должно совершаться в соединенном духе Православия, Самодержавия и Народности» [9, с. 70]. Он ставит православие на первое место, утверждает, что при отсутствии народной религии человек обречен на гибель, лишение веры поместит его на низшую ступень нравственного и физического порядка. В

православии С.С. Уваров видел «необыкновенный источник культурного, этического и политического единства и верил, что оно все более превосходит другие европейские религии, особенно протестантизм» [11, с. 112]. Особое отношение к православию как элементу государственной идеологии ученый заимствовал изначально у Н.М. Карамзина, который считал веру особой государственной силой, воплощающей особую роль в жизни народа, являясь определенным образом нравственной базой правителя. «Без любви к Вере предков, народ как частный человек, должен погибнуть; ослабить в них Веру, то же самое, что лишать их крови и вырвать сердце. Это было бы готовить им низкую степень в моральном и политическом предназначении. Это была бы измена в пространном смысле... Человек, преданный Государю, столь же мало согласится на утрату одного из догматов нашей Церкви, сколь на похищение одного перла из венца Мономахова» [9, с. 71].

Сущность теории официальной народности попытался выразить А.Н. Пыпин: «Россия есть совершенно особое государство и особенная национальность, непохожая на государства и национальности Европы. На этом основании она отличается и должна отличаться от Европы всеми основными чертами национального и государственного быта... В ней господствует наилучший порядок вещей, согласный требованиями религии и истинной политической мудрости... Россия осталась свободна... Она сохранила в целостности придания веков, и будучи тем, предохранена от беспокойств и обманов... и не может не поддерживать со своей стороны принципа чистой монархии. В религиозном отношении Россия так же поставлена в положение несходное с европейским... Российское исповедание заимствовано из византийского источника, верно хранившего древние предания церкви и Россия осталась свободна от тех религиозных волнений, которые первоначально отклонили от истинного пути католическую церковь...". Россия «со своими особыми учреждениями, с древней верою, она сохранила патриархальные добродетели, мало известные народам западным» [14, с. 114]. Правление Николая I традиционно считается временем реакции, когда основной задачей было укрепление «исконных» начал императорской власти – самодержавия. Юзефович считает, что «Сдерживая в продолжении 30 лет русскую колесницу на пути западно-европейского развития, Император Николай I дал нам время приготовиться и возможность вступить на тот широкий путь, который открывает теперь на-

шей жизни его приемник» [15, стб. 1007]. Вся идеология по своему содержанию «требовала безграничного авторитета власти и самой полной опеки над всеми сторонами государственной, народной и общественной жизни». С помощью этого контроля власть «стремилась связать в одном крепком узле все нити управления, распространить надзор на все движения национальной жизни, все подвести к одному уровню» [14, с. 100]. В.В. Леонтович называет эпоху Николая I переходным периодом. «Это была эпоха, в которой незаметным образом один строй сменяется другим, а именно крепостной строй – строем гражданским» [16, с. 152]. Все, что было сделано в направлении либерализма при Екатерине и Александре I предохранено от уничтожения. Государственная система Николая I имела ряд отличительных особенностей – она выделялась своей обширностью, своим единством и своей точностью, но и своей прочностью. Эта система выдержала испытания Великих реформ 60-70-х гг. Отсутствие правительственной власти, ее «благодушное упование» на самостоятельность народа никогда не приводило к чему хорошему. Обязанность правительства – «достигнуть высшей степени той доли всевидения и вездесущности, которая предоставлена человеку, чтобы постоянно направлять благие намерения народа к желанной цели и никогда не предоставлять его самому себе, так как в последнем случае цель эта не только, остается не достигнутой, но и благие намерения народа приведут его к совершенно противоположным, ужасающим последствиям» [1, с. 533]. С.С. Уваров сконцентрировал свою теорию на необычайной почтительности к власти просвещенного монарха и примирению «древних и новых понятий» сверху, мирно, без революций. Теория официальной народности «не утратила своей фундаментальной роли в репрезентации имперской власти и при Александре II. В его «властном сценарии» идеи и образы официальной народности были согласованы с программой реформ» [8, с. 237].

Литература

1. Spectator`а Николаевские времена // Русское обозрение. 1896.
2. Записки генерал-лейтенанта Л.В. Дюбелта // Голос минувшего. 1913. № 3.
3. Зорин А. Идеология «Православие-Самодержавие-Народность»: опыт реконструкции // Новое литературное обозрение. 1997. № 26.

4. Турун О.Л. Педагогика неогуманизма и немецкая классика // Гуманитарные науки. 2005. № 2(14) / [http:// www.ncstu.ru](http://www.ncstu.ru)
5. Шпет Г.Г. Очерки развития русской философии. М., 1889
6. Шпет Г.Г. Сочинения. М., 1989
7. Зорин А. Л. Идеология «православия - самодержавия-народности» и ее немецкие источники // В раздумьях о России (XIX век). М., 1996.
8. Культурные практики в идеологической перспективе России XVIII – начала XIX в. Вып. 3. М., 1999.
9. Шевченко М.М. Доклады министра народного просвещения С.С. Уварова императору Николаю // Река Времен: Книга истории и культуры. Кн. 1. М., 1995.
10. Уваров С.С. Десятилетие министерства Народного просвещения 1833-1843. СПб., 1864.
11. Виттекер Ц.Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999.
12. Исабаева Л.М. Общественно-политические взгляды С.С. Уварова в 1810 годы // Вестник МГУ. Серия 8: История. 1990. № 6.
13. Фихте И. Г. Речи к немецкой нации (1808). М., 2008.
14. Пыпин А.Н. Характеристика литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов. Исторические очерки. СПб., 1909.
15. Юзефович М. Несколько слов об императоре Николае // Русский архив. 1870. № 5.
16. Леонтович В.В. История либерализма в России 1762-1914. М., 1995.

Педагогический институт

Южного федерального университета

6 августа 2009 г.